

ГЛАВА 2

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ НА ПРОЦЕССЫ ИНТЕГРАЦИИ И ФРАГМЕНТАЦИИ

Национализм и язык

Этническая консолидация происходит в ответ на изменение традиционных отношений и возникшие трудности. Консолидация направлена на преодоление этих трудностей и достижение определенных политических и экономических целей. С другой стороны, можно утверждать, что этническая принадлежность – это врожденное чувство, и само по себе ценно для индивидуума, поэтому проявление национализма закономерно. Национальная идентификация всегда будет политической, связанной с политическим устройством и государственной территорией, а также с борьбой за власть. И это отражается в националистическом движении с целью установления новой национальной самоидентификации. «Во многих районах Европы происходил переход от этнической самоидентификации, основанной на традиционной культуре и религии (с языками, играющими некоторую роль), к национальной самоидентификации, с сильно выраженным территориальным измерением и языком, часто являющимся важным маркером самоидентификации».¹

Успешная мобилизация этнической группы на националистическое выступление обычно требует одновременного присутствия нескольких факторов или причин, вызывающих недовольство этнической группы. Одним из таких факторов, как правило, является язык. Причем наблюдается явление лингвистического национализма.

Лингвистический национализм заключается в желании подчеркнуть отличие данного языка от другого, носители которого представляют угрозу или являются соперниками в политической борьбе за власть. С помощью масс-медиа и литературного наследия создается общность мышления и убежденность в уникальности своей культуры. Язык создает рамки нации для последующего интеграционного процесса. А последующий интеграционный национальный процесс будет включать выделение одного языка из ряда других языков и диалектов и обязательное использование его в официальной речи, стандартизацию языка, стандартизацию образования с использованием этого языка при обучении в школе. Здесь роль языка как интегрирующего фактора для становления новой нации-государства очевидна и бесценна. Как политический

фактор дезинтеграции, язык используется для выхода из государства или для получения автономности внутри того же государства.

Язык может быть одним из главных требований, а может быть и второстепенным в сочетании с другими требованиями. Язык – удобное и универсальное средство для националистической борьбы любого народа.

В *Ирландии* религиозные, этнические и лингвистические отличия дискриминационного характера совпали и усилили друг друга и перешли в националистическое движение против англичан. Католики-крестьяне, говорящие на ирландском, и протестанты-буржуа, говорящие на английском, создали две противоположные группы. Вторая группа, хотя и немногочисленная, представляла собой богатые слои населения. Таким образом, основными причинами недовольства и националистического выступления все-таки были экономические причины. Язык не играл первостепенной роли, так как даже в самый кульминационный момент своего подъема национальная борьба за Ирландскую республику проводилась на английском языке, то есть языке своего врага. И только потом ирландский язык стал важной составляющей политики молодой Ирландской республики, хотя и до сих пор, несмотря на усиленную политику государства, население продолжает говорить на английском.

Если не возникает необходимость использовать язык как политический фактор в борьбе за власть, то можно обнаружить нейтральное отношение к языку. В *Финляндии*, например, долгое время официальным языком был шведский. Финский язык не запрещался ни шведами, ни затем русскими, под чью власть попала Финляндия. Финский язык не рассматривался как язык, соперничающий с языком политической власти, или как язык, используемый для достижения политической независимости. Только после 1917 года, когда Финляндия получила независимость, финский стал официальным языком, а шведский стал языком меньшинства, хотя по конституции оба языка имеют одинаковые законные права как два национальных языка.

В качестве примера проявления лингвистического национализма можно привести случай с западной частью *Болгарии* времен Османской империи. Западные болгары, пытаясь утвердить себя как совершенно самостоятельную нацию, доказывали свою самобытность через лингвистическое отличие. Было объявлено, что население западной части Болгарии имеет не болгарский язык, а македонский, происходящий от языка древних македонцев. Однако Греция воспротивилась этой идее на основании того, что македонцы всегда были частью греческой нации. В то же самое время Болгария

продолжала причислять язык западных болгар к западно-болгарским диалектам, а сербы рассматривали население западной Болгарии как смешанную болгаро-сербскую группу. В итоге все закончилось тем, что Османская империя подавила это проявление лингвистического национализма со стороны западных болгар.

С лингвистической точки зрения болгарский, македонский, сербский, хорватский, боснийский и словенский принадлежат к славянской группе языков и могли бы сформировать один язык как диалекты одного общего языка, наподобие диалектов немецкого, если бы не историческое развитие этих языков в силу геополитических изменений.

Лингвистическое различие языков может подчеркиваться и, наоборот, сглаживаться в зависимости от повестки дня: нужно ли объединить этнические группы в одну нацию или нужно разбить одну нацию на несколько новых наций.

В середине XIX века словенцы, не желая присоединения к сербам и хорватам и отвергая идею объединения, доказывали, что словенский язык не принадлежит ни к кайкавианскому диалекту (Kajkavian), ни к стокавианскому (Stokavian).²

Лингвистически *Хорватия* была разделена на два диалекта: на севере Хорватии – кайкавианский диалект, а в других частях – стокавианский. Стокавианский диалект использовался также в Боснии и Сербии, т.е. за пределами Хорватского королевства. Новая концепция объединения заключалась в создании нации из всех тех, кто говорил на стокавианском и кайкавианском диалектах. Однако в середине XIX века эта концепция была отвергнута из-за политических разногласий между сербами и хорватами. После того, как в 1850-х годах сербы и хорваты достигли политического соглашения, было решено создать единый сербо-хорватский язык.

Во время Первой мировой войны появилась концепция Югославии, и было создано государство, объединяющее сербов, словенцев и хорватов. Вскоре хорваты организовали движение, направленное против политического доминирования сербов, утверждая, что Хорватия как исторически более раннее государство-королевство имеет больше прав на лидирующую роль в союзе. Боснийские славяне-мусульмане рассматривались ими как хорваты, а их территория – Босния – как территория, принадлежащая Великой Хорватии. Сербское движение же создало концепцию «Великая Сербия», куда входили все те, кто говорил на стокавианском диалекте, включая Боснию, а хорватами считали только тех, кто говорит на кайкавианском диалекте. Требование Хорватией политической автономии привело к созданию федеративной республики, но в 1980-х годах в Хорватии началось

националистическое движение за независимое государство. При этом языковое различие было важным моментом для доказательства правомерности отделения и образования своего собственного государства. Из сербо-хорватского, на котором говорили сербы, хорваты и боснийцы, выделились, соответственно, три языка, причем были внесены поправки в эти языки, чтобы окончательно доказать, что все эти три группы – исторически совершенно чуждые этнические группы.

Чешский, словацкий и норвежский языки были доработаны специально в результате националистического движения. При политике лингвистического национализма вносятся лексикографические нюансы или меняется алфавит, как, например, в республиках СССР после образования СССР. *Кириллица* была введена в Таджикистане, чтобы отличить используемый язык от персидского, и в Молдавии, чтобы отличить местный язык от румынского, а также для еврейского была использована новая фонетическая система для записи Идиша, чтобы изолировать его от иврита и политики сионизма.

После распада СССР наблюдается *процесс дерусификации в странах СНГ и Балтии*. Русский язык, который служил в качестве интеграционной силы в бывшем СССР наряду с кириллицей, заменяется в официальных сферах и в межнациональном общении на титульные языки республик с целью выхода из-под контроля и влияния России. В Эстонии, например, новый закон о языке предписывает общение с эстонскими чиновниками только по-эстонски, и русский язык рассматривается как иностранный, требующий услуг переводчика. На Украине, где реальная роль русского языка еще велика, русский вытесняется медленнее из официальной сферы. Процесс фрагментации идет и на территории самой Российской Федерации. Татары, например, внесли предложение о замене кириллицы для татарского языка, что, несомненно, способствовало бы их постепенному культурному отчуждению. Парламент Российской Федерации отклонил предложение и установил употребление единого алфавита, основанного на кириллице на всей территории Российской Федерации.

До 1814 года *Норвегия* находилась под властью Дании. Норвежские диалекты и стандартный датский были похожи, поэтому, хотя и с трудом, тот, кто знал датский, мог понять норвежский диалект, и наоборот: тот, кто знал норвежский, мог понять датский. Норвежцы воспринимали норвежский как диалект датского, и язык не играл принципиальной роли. Однако после 1814 года норвежцам стало ясно, что они отличаются от шведов, с которыми им предстояло

войти в союз, и официальным языком был объявлен норвежский. Вопрос языка стал принципиальным вопросом в период становления норвежской нации. Так как высшее сословие в Норвегии использовало датский язык, то было решено искать базу норвежского языка в диалектах крестьян. Было доказано, что норвежский, в отличие от датского, происходит от древнескандинавского. А раз норвежский происходит от древнескандинавского, то норвежцы образуют независимую этническую группу, имеющую право на свое независимое государство.

Интересная ситуация возникла в *Шотландии* в связи с националистическим движением в XVI–XVIII веках. Шотландскому националистическому движению против Англии мешал язык. С одной стороны, Шотландия хотела получить независимость от Англии, но с другой стороны, с лингвистической, она была разделена на две части. В одной части страны население использовало гаэльский язык, в другой части – шотландский (язык скоттов), который был похож на северные диалекты английского, причем языковое расхождение усиливалось различием религиозных воззрений. Существовали две группы – католики с гаэльским языком и пресвитерианские протестанты – с шотландским, до тех пор, пока кальвинисты местной шотландской элиты не вступили в союз с англиканской Англией. В результате Шотландия потеряла независимость как с культурной, так и с политической точек зрения. Школьная политика в отношении языка, то есть выбора языков, и особенно выбора языка в качестве языка обучения, имеет первостепенную важность в языковой политике.

Германизация высшего *чешского* сословия при габсбургском правлении оставляла чешский только низшему классу и низшей части среднего класса. В конце XVIII века чешские патриоты стали модернизировать чешский язык. Были написаны грамматики и стали вестись разговоры о школах на чешском языке. В начале XIX века были провозглашены требования равного права для чешского языка в администрации. Начала развиваться чешская литература, разрабатывались школьные программы. Последующий успех подтвердил правильность языковой политики, связавшей воедино национализм, развитие языка и обучение языку, новую самоидентификацию и политические требования.

Пан-национализм и язык

Язык служит основой для всевозможных пан-движений (пан-арабизм, пан-скандинавизм, пан-германизм, пан-славизм и т.д.). Такого рода движения могут быть обоснованы одинаковой

культурой мышления или желанием использовать языковую схожесть чисто из-за политических соображений. Существуют теории, утверждающие, что использование одного языка вырабатывает одинаковое мышление, так как набор языковых средств, таких, как грамматические и лексические правила, влияет на ход нашей мысли. Мы думаем в рамках организованной системы языка. Отмечается некоторое сходство мышления у обладателей одного языка или родственных языков. В связи с этим язык и национальный характер представляются как одно целое.

Описание *национального характера* – достаточно трудная проблема, часто включающая субъективную оценку вместо объективного научного подхода. Однако можно утверждать, что лексика, словообразование, грамматические структуры отражают специфический характер мышления, то есть язык играет определенную роль в становлении национального характера. Интересное описание национального характера дает Эдвард Сепир, используя национальную литературу и отмечая, одновременно, трудность определения сути национального характера и культуры, которую он называет «geist».³

Трансполитическая притягательность наблюдается между австрийцами и жителями северной Италии, говорящими по-немецки, между русскими и белорусами, говорящими по-русски. Считается, что именно Белоруссия и Россия имеют наиболее вероятную перспективу тесного сотрудничества. Такая же трансполитическая притягательность наблюдалась во время войны между германскими немцами и чехами, говорящими по-немецки в Чехословакии, а также швейцарскими немцами в Швейцарии. В Чехословакии во второй половине XVII века чешский язык был заменен немецким в качестве языка центральной администрации, и чешское высшее сословие перешло на немецкий язык. Таким образом, самоидентификация отклонилась в сторону немцев вследствие перехода на немецкий язык при габсбургском правлении.

В период стандартизации языков датский и шведский оказались двумя довольно похожими языками. Датчанину было легче понять стандартный шведский, чем какой-нибудь датский диалект и наоборот. В период осложнения взаимоотношений между странами были предприняты усилия ввести языковые маркеры в письменный язык. Однако, во время конфликта по поводу Шлезвига (Schleswig) между Данией и Германией пан-скандинавизм 1850-1860-х годов, объединивший Данию, Норвегию и Швецию против Германии, проявился особенно отчетливо. В 1869 году в Стокгольме прошла конференция, на которой приняли ряд решений по унификации орфографии датского и шведского языков. Некоторые из решений

были действительно претворены в жизнь. В средние века Шлезвиг был частью Датского королевства, но немецкий язык постепенно распространялся на этой территории, и в XIX веке часть населения, говорящая на немецком, была настроена прогермански, выражая политическую лояльность германскому герцогу Голштинскому. В то же самое время другая часть населения Шлезвига, говорившая на датском, выражала соответственно политическую лояльность датскому королю. В 1848 году Дания отвоевала назад территорию и начала политику насаждения датского языка в рамках всего населения, чем вызвала недовольствие тех, кто говорил по-немецки. В 1864 году Шлезвиг был завоеван Пруссией, которая начала политику онемечивания, вызвав недовольствие теперь тех, кто говорил по-датски. После референдума 1920 года северная часть Шлезвига объединилась с Данией, а южная осталась с Германией. В 1930-1940-х годах в преддверии угрозы со стороны Германии волна антигерманского пан-скандинавизма прокатилась по Дании. В результате были приняты орфографические изменения в сторону сближения со шведским и норвежским с отказом от немецкого правописания.

В своей основе *пан-нордическое единство* имеет не только лингвистическое сходство, но и некое сходство политических решений и мышления. Ассоциация Северных Языков многие годы рассматривается как одна из главных организаций сотрудничества между северными странами. Идея создания этой ассоциации заключалась в том, что перед лицом опасной конкуренции со стороны английского языка как международного северным народам следует объединиться и отстаивать свою северную культуру и языки. Было решено проводить в жизнь идею обучения и общения на родственных северных языках среди всех скандинавов (шведы, датчане, норвежцы). Скандинавские языки принадлежат к двум семьям языков: уральской и индоевропейской. К уральской – финский и саами, а к индоевропейской семье северогерманской подгруппы – шведский, датский, норвежский, фароезский, исландский. Фароезский и исландский по звучанию различны и непонятны для носителей данных языков, когда они разговаривают друг с другом, а по написанию похожи. Шведский, норвежский и датский похожи по звучанию, и их возможно понять представителям данных языков. Пять северных государств активно сотрудничают друг с другом официально и неофициально. Их сотрудничество часто воспринимается как наднациональное единство.

Объединение евреев на государственном уровне хотя и произошло на языковой основе, с помощью создания разговорного иврита, но вначале это была идея мессианства евреев – их исторической роли в

развитии человечества. Тот, кто разделял эти воззрения, неважно, где он жил и независимо от знания иврита, причислял себя к еврейской этнической группе. Евреи, живущие в других странах, знали, как правило, язык элиты этой страны и иногда не знали иврита, но считали себя евреями и помогали друг другу.

Однако, наблюдается и *противоположная тенденция в области родственных языков и самоидентификации*: говорить на одном языке не означает иметь одну и ту же национальную идентификацию или желание создать политическое движение на основе языка. Испанский язык не способствовал созданию пан-испанского политического единства, так же как и английский не способствовал пан-английскому движению, объединяющему США, Британию, Австралию и Канаду.

Основой же для пан-арабского движения служат два равнозначных фактора: язык и ислам. Однако, есть и арабы-христиане, и существуют межарабские конфликты. Арабский язык включает в себя историю, мифы, культурные ценности арабского мира. Это не только изучение лексики и грамматики языка.

Единый китайский язык не способствовал созданию политического единства между Китаем, Тайванем и Гонконгом, хотя для сплочения китайской диаспоры во всем мире китайский язык действительно является важным фактором.

Язык объединяет цыган в одну этническую группу, но не формирует нацию.

После Второй мировой войны австрийцы заявили о своей собственной идентификации, отличной от немцев. От германских немцев также пытались отмежеваться и немецкие швейцарцы.

Глобализация и язык

Государственный национальный язык служит не только для консолидации внутри страны, но и для противостояния влиянию других культур и препятствует растворению своей культуры в культуре более престижной страны. Происходит категоризация, заданная уже на глобальном уровне. Считается престижным владеть языком, символизирующим богатую влиятельную страну. Престижность языка в мировом масштабе, как правило, определяется финансово-экономическим уровнем и военно-политической мощью страны. Культурное наследие страны стоит на более низком уровне значимости для глобального влияния и статусной категоризации, которая влияет на распространение языка. По традиции, например, статусная категоризация русского языка была высокой к югу и юго-востоку от России. Русский язык и русская культура были престижными и служили связующим звеном

с западным миром. К западу от России существовала другая ориентация. Эта ориентация была направлена на богатые западные страны. Такая историческая ориентация ускорила отказ от русского языка в пользу английского в странах Балтии после распада СССР. На данный момент можно говорить о низком статусе русского языка в Восточной Европе и о довольно высоком, например, в Монголии. Глобализация, конечно же, привнесла изменения в языковую ситуацию в странах, которые, с одной стороны, противостоят глобальному английскому языку, а с другой стороны, распространяют обучение ему в широких масштабах внутри страны. Английский язык, или глобальный язык, как его называют, получил распространение благодаря имперской политике Британии и военно-экономическому потенциалу США.⁴

Существует *понятие гегемонии языка*. Так, например, английский способен доминировать как на национальном уровне, так и на наднациональном, а также и на глобальном. Утверждение, что английский приобрел наднациональный характер и не выражает этнической принадлежности, а поэтому не связан с чей-то конкретной культурой, не совсем соответствует действительности. Английский язык намеренно распространяется странами-носителями вместе с пропагандой ценностей и образа жизни данных стран. Английский язык не распространялся бы так быстро, если в этом бы не принимали активного участия страны-носители. Преподавание английского за рубежом является хорошим бизнесом для Великобритании, и она создает языковые центры один за другим за рубежом.

Глобализация стала конкурировать с локализацией и отражаться на этнической идентичности в разных странах. Все больше и больше происходит смешение национальностей, особенно в крупных городах, и появление гибридных идентификаций. Массовое перемещение населения, быстрые социо-экономические изменения, сокращение программ на социальные нужды и кризис социальных институтов в эпоху глобализации – все это способствует обострению языковых противоречий. Этнические меньшинства требуют равноправия языков и дополнительных государственных расходов на поддержку языковых программ. О попытках деполитизировать язык говорят предпринимаемые правительствами шаги, связанные с организацией мультикультурных институтов. *Мультикультурализм* – это политика, направленная на признание всех этнических групп, их внутренней ценности как различающихся обществ, достойных равного уважения и сохранения своей культуры. Однако политику *мультикультурализма и мультилингвализма* можно рассматривать как попытку удержать государство от распада, с одной стороны, а с

другой – как прямо противоположную попытку, направленную на распад нации-государства для углубления процесса глобализации, так как глобализация предусматривает децентрализацию на уровне государства в любом возможном варианте.

При политике мультикультурализма все меньшинства существуют каждое согласно своим нормам согласно принципу толерантности, который, в свою очередь, использует принцип радикального культурного релятивизма. Однако, одновременно с этим создается *плюриконфликтное пространство*, где все акторы стараются добиться преимущества, а государство в силу нехватки ресурсов вынуждено заниматься постоянным арбитражем и сдерживанием. При этом либеральный принцип нейтральности государства вступает в противоречие с вынужденным его вмешательством государства.

Стабильно монолитные в языковом плане страны, такие, как Испания, Норвегия, Великобритания, Австралия, стали рассыпаться на этнические меньшинства со своими требованиями признания равноправия их языков.

¹ Trudgill P. Greece and European Turkey: From Religious to Linguistic Identity. /Language and Nationalism in Europe. Eds. S. Barbour and C. Carmichael. Oxford University Press. 2002. P. 240.

² Hroch M. The Slavic World. /Handbook of Language and Ethnic Identity. Ed. J. A. Fishman. Oxford University Press. 2001. P. 323.

³ Sapir E. The Psychology of Culture. A course of lectures, reconstructed and edited by Judith T. Irvine. Berlin. Mouton de Gruyter. 1993.

⁴ Crystal D. English as a Global Language. Cambridge University Press. 2001.